

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

HISTORY AND ARCHAEOLOGICAL STUDIES

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-4-2-7-24
УДК 947.084.5

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ И КИТАЙ (1920–1923 гг.)

Емельянова Е.Н.

Цель. Рассматривается проблема становления российско-китайского сотрудничества в начале 20-х годов XX в., роль Коминтерна в этом вопросе и попытка оказания интернациональной помощи национально-освободительному движению в Китае. Анализируется политика советского руководства в период до Вашингтонской конференции и после нее. Новизна исследования – в использовании в работе широкого круга новых архивных материалов и недавно опубликованных документов.

Методологическая основа. В основе исследования лежат принципы историзма, критического подхода к используемым источникам и всестороннего анализа проблемы.

Результаты. Доказывается, что на первом этапе позиция большевиков характеризовалась стремлением военным путем поддержать революционное движение в Монголии, Корее и Китае, расширить зону «мировой революции». Задачей было установление народных республик, объединение Китая, проведение буржуазных преобразований силами коммунистических партий в блоке с национальной демократией и интеллигенцией и заключение союза с Советской Россией.

Вашингтонская конференция зафиксировала новое соотношение сил на Дальнем Востоке. Это заставило советское правительство постепенно изменить приоритеты. Произошел поэтапный отказ от открытой поддержки антияпонского движения в Корее, осуществилась переориентация на демократическую организацию Гоминдан в Китае и фактическое подчинение ей китайской компартии. Провозглашалась политика единого антиимпериалистического фронта.

Большое внимание уделяется проблеме дуализма внешнеполитической деятельности большевистского руководства. Это выразилось в противостоянии Коминтерна и Народного комиссариата иностранных дел по международным вопросам. Противоречие между интернациональными планами Коминтерна и национальными интересами России по установлению дипломатических отношений с великими державами разрешилось в пользу последних. Национальная революция в Китае должна была победить самостоятельно, без прямой военной поддержки извне.

Область применения результатов. *Результаты исследования могут быть использованы в ходе преподавания в вузе истории России и всеобщей истории.*

Ключевые слова: *история; Россия; Китай; Коминтерн; внешняя политика; политические партии.*

SOVIET RUSSIA AND CHINA (1920–1923)

Emelyanova E.N.

Purpose. *The article deals with the problem of formation of Russian-Chinese cooperation in the early twenties of XX century, the Comintern role in this issue and attempt to provide international assistance to the national liberation movement in China. On the basis of a wide range of sources and archival materials, policy of the Soviet leadership is analyzed in the period up to the Washington Conference and beyond.*

Methodological basis. *The study is based on the principles of historicism, a critical approach to the sources used and comprehensive analysis of the problem.*

Results. *At the first stage the Bolshevik position was to keep support of the military revolutionary movement in Mongolia, Korea and China, to expand the area of “world revolution”. The objective was to establish the People’s Republics, association of China, provision of bourgeois transformation held by forces of the of communist parties in alliance with the national democrats and intellectuals and an alliance with Soviet Russia.*

Washington Conference recorded a new balance of forces in the Far East. This forced the Soviet government gradually change priorities. Open support for the anti-Japanese movement in Korea was gradually denied and Soviet Russia reoriented to the democratic movement of the Kuomintang in China and submission of the Chinese Communist Party to it. The policy of the united anti-imperialist front was proclaimed.

Substantial attention is paid to the problem of dualism of the foreign policy of the Bolshevik leadership. This was reflected in confrontation of the Comintern and the People’s Commissariat (People’s Commissariat for Foreign Affairs) on international issues. Controversy between international plans of the Comintern and the national interests of Russia on the establishment of diplomatic relations with great powers was resolved in favor of the latter. The national revolution in China had to overcome on their own, without direct foreign military support.

Practical implications. *Results of the study can be used in teaching of the Russian history and the world history in high school.*

Keywords: *history; Russia; China; the Comintern; foreign policy; political parties.*

История и современность теснейшим образом взаимосвязаны. Это в полной мере относится к российско-китайским отношениям, которые имеют давние традиции. Особенно плодотворным сотрудничество между двумя государствами было в 20-е гг. XX в., когда китайский народ боролся против полуколониальной зависимости

за политическую и экономическую самостоятельность своего государства.

Тема российско-китайского сотрудничества и глобализации политических процессов в последнее время особенно актуальна и активно изучается российскими и зарубежными историками [1; 8; 9; 19]. Но в связи с публикацией новых архивных документов начальный период отношений, роль Советской России в поддержке различных направлений национально-освободительного движения Китая нуждается в дальнейшем изучении. Этой проблеме и посвящена данная статья.

В первые десятилетия XX века Китай, благодаря выгодному геополитическому положению и слабости власти, представлял собой узел многих международных проблем и противоречий. За преобладание в этом регионе боролись ведущие государства мира: Англия и Соединенные Штаты Америки. Страна была практически поделена на сферы влияния. Япония хозяйничала в Манчжурии и Северном Китае, Англия – в Центральном и Южном. США не имели своей сферы влияния в Китае, но проникая в его экономику, гораздо эффективнее эксплуатировали это государство, чем все остальные империалистические державы. В данной ситуации Россия не могла оставаться безучастной, поскольку усиление позиций великих держав на Дальнем Востоке угрожало ее границам.

Внешнеполитическая деятельность Советской государства в первые годы его существования велась по двум принципиально различным направлениям: по линии Народного комиссариата иностранных дел (НКВД) и по линии Коминтерна. Несмотря на кажущиеся различия оба ведомства осуществляли единую задачу – расширение сферы влияния Советской России, укрепление ее внешнеполитических позиций. Но методы были противоположными. НКВД проводил политику мирного сосуществования. Коминтерн ориентировался на форсирование «мировой революции» [6, с. 1341]. Часто тактические планы этих двух структур противоречили друг другу, и действия Коминтерна мешали налаживанию дипломатических отношений [5, с. 66–70; 16, с. 10–16]. Но иногда

мировое коммунистическое движение способствовало укреплению международных позиций большевистского руководства, играло роль «мягкой силы». Особенно это касалось полуколониальных и колониальных государств Азии [4, с. 2434–2439]. В этом отношении Советская Россия действовала в рамках внешнеполитического курса Российской империи, стремясь через активную политику на Востоке добиваться уступок от великих держав в международных вопросах.

Идея революции нашла особый отклик в восточных государствах, причем не только среди нарождающихся азиатских коммунистических партий, но и среди наиболее радикально мыслящей интеллигенции, которая увидела в опыте большевиков пример для подражания, а в Советской России союзника в борьбе с империалистическим гнетом [7, с. 65–88].

Период с 1920 по 1921 гг. очень важен в истории становления взаимоотношений между Советской Россией и Китаем. Это время, когда сферы влияния на Дальнем Востоке еще не были окончательно поделены после первой мировой войны, что создавало условия для активной военной политики в этом регионе. Общая политическая линия большевистского руководства и Коминтерна в начале 1920-х гг. была определена следующими задачами: 1) использование столкновения интересов Японии, Америки и Китая и форсирование этого столкновения всеми возможными средствами; 2) пробуждение сознательного движения широких масс Китая, Монголии, Кореи к освобождению их от гнета иностранного капитала; 3) стремление к поддержке революционных движений народов Восточной Азии; установление прочной связи с революционными организациями Японии, Китая и Кореи, а равно усиление агитационной работы путем издания печатных органов, брошюр и листовок; 4) активная помощь партизанским образованиям корейцев и китайцев [3, с. 37].

В проведении данной политики большевистское руководство столкнулось с целым комплексом проблем. В патриархальном Китае, раздираемом гражданской войной, фактически не было еди-

ного правительства. Несколько военных группировок, поддерживаемых различными империалистическими государствами, вели между собой борьбу за объединение страны под своей властью. Часть из них обратилась за военной поддержкой к РСФСР. Однако советское руководство до конца 1922 г. последовательно пыталось помирить и объединить три наиболее влиятельные национальные силы (поддерживаемое Японией правительство Чжан Цзолина, направляемое Англией и США центральное правительство У Пейфу и пророссийски настроенное южное правительство Сунь Ятсена) с тем, чтобы усилить российское влияние и организовать общий отпор странам Антанты. Убедившись в бесперспективности этих попыток, большевики переориентировались на Сунь Ятсена, не прекращая при этом мирных переговоров с центральным пекинским правительством.

Сложности возникли также во взаимоотношениях коммунистической партии Китая (КПК) с лидерами буржуазного национально-освободительного движения. Молодая и очень немногочисленная китайская компартия, ставя перед собой задачу немедленного осуществления социализма в Китае, не хотела идти на союз с милитаристскими правительствами, ограничивавшими задачи китайской революции созданием единого национального государства. В этом отношении перспектива договориться у Коминтерна была только с Гоминьданом (ГМД), лидер которого Сунь Ятсен допускал возможность построения полу социалистического общества в Китае.

Третий комплекс проблем был связан с идеей самоопределения народов северного и северо-восточного Китая и приходящими в противоречие с этим национальными интересами китайской буржуазии. В военном плане существовала возможность с помощью войск Красной Армии поддержать революции в Монголии, Маньчжурии и Корее, используя антияпонское и антикитайское движение народов этих территорий. Однако против их политической самостоятельности резко выступали даже наиболее радикальные представители китайской интеллигенции. Сунь Ятсен писал В.И. Ленину: «Я узнал, что Советские вооруженные силы концен-

трируются на маньчжурской границе и готовятся занять Северную Маньчжурию. Я опасаясь, что эта оккупация будет иметь тяжелые последствия для дальнейших русско-китайских отношений» [3, с. 151].

И, наконец, четвертый комплекс проблем сводился к тому, что слишком активная политика в Китае неизбежно сталкивала Советскую Россию с Японией, Англией и Америкой. С одной стороны, это могло привести к нежелательному для РСФСР осложнению отношений со странами-победительницами, с другой, становилось средством давления на позиции великих держав в международной политике.

Исходя из сложившейся ситуации, российское руководство параллельно работало над двумя возможными вариантами развития событий: мирным и военным. С одной стороны, НКВД настойчиво предлагал китайскому правительству в Пекине заключить мирный договор, с другой, не исключалась возможность военной поддержки антиимпериалистических сил и компартии Китая в установлении советской власти на части его территорий.

Под давлением Англии правительство У Пейфу затягивало переговоры с РСФСР.

В то же время Красная Армия вела успешное наступление на подступах к Внешней Монголии. Еще осенью 1919 г. социальное недовольство, нараставшее здесь долгое время, достигло своего апогея. Связано это было с ликвидацией Китайскими властями в ноябре автономии Внешней Монголии. Одновременно в Угре создаются подпольные революционные кружки, которые в июне 1920 г. объединились в Монгольскую народную партию. Летом же 1920 г. в Москву была послана делегация с тем, чтобы получить помощь и поддержку Советской России.

В августе 1920 г. в составе Секции Восточных народов при ЦК РКП(б) в Иркутске был образован Монголо-Тибетский отдел. В него вошли многие популярные лидеры Народно-революционной партии Монголии (Бодоо, Сухэ Батор, Чагдаржав и др.). Отдел принял самое активное участие в подготовке интернациональных

частей Красной Армии к революционному походу в Монголию [14, с. 42–43].

В марте 1921 г. состоялся I съезд Монгольской народной партии (МНП), который взял курс на вооруженное восстание, создал временное революционное правительство и утвердил штаб Монгольской Народно-революционной Армии во главе с Сухе-Батором. Уже в апреле 1921 г. по просьбе Временного революционного правительства в Монголию были введены части Красной Армии для совместной борьбы с белогвардейцами. В июле 1921 г. после освобождения Угры было сформировано постоянное народное правительство. Революция в Монголии победила. Был взят курс на некапиталистическое развитие страны при поддержке Советской России. Пятого ноября в Москве было подписано советско-монгольское соглашение о дружбе и сотрудничестве. В том же году МНП была принята в Коминтерн на правах сочувствующей организации. И хотя, по советско-китайскому договору 1924 г. СССР признавал Внешнюю Монголию составной частью Китайской Республики, на деле представители Исполнительного Комитета Коминтерна (ИККИ) зорко следили за тем, чтобы руководство Монголии не поменяло свою внешнеполитическую ориентацию и способствовали отстранению тех лидеров, которые имели намерение отказаться от дружеских отношений с Советской Россией [15, с. 63–68].

Успешное наступление Красной Армии на Востоке и ее помощь победе Монгольской революции способствовали активизации национально-освободительного и коммунистического движения в Корею и Китае.

Весной 1921 г. у левых в руководстве ИККИ созрел план создания в Иркутске революционной армии и подготовки революционного похода в Маньчжурию и Корею. Целью его должно было стать освобождение местного населения от японских захватчиков и установление там Советской власти. В этом районе проходила КВЖД и сосредоточились белогвардейские отряды. Поэтому Маньчжурия, также как Монголия и Корея, представляла собой

регион, где интересы Коминтерна, казалось, совпадали с государственными интересами РСФСР, коммунистическое правительство которой еще надеялось на возможность создания единого социалистического содружества стран Европы и Азии. Советское руководство не могло не учитывать антияпонских настроений в этом регионе.

Коммунистические организации Китая и Кореи также уповали на военную помощь Советской России. Корея по-прежнему оставалась под оккупацией японских войск. Образованное в Шанхае в апреле 1919 г. эмигрантское правительство Кореи во главе с Ли Синманом не ставило социалистических задач, но пять его членов из девяти были коммунистами [3, с. 28]. В конце 1920 – начале 1921 г. оно приступило к организации Корейской Армии Независимости. В то же время Ли Синман достиг соглашения с советским представителем в Китае И. Юриным о содействии советских войск борьбе его правительства с японцами. При этом Ли Синман согласился устроить свое правительство по советскому образцу, что, как полагали большевистские политики, могло бы послужить первой ступенью к восстановлению независимости Кореи [10, с. 83]. Между корейскими вооруженными силами на территориях Китая, Кореи и Советской России существовала реальная связь и согласованность действий [3, с. 28]. Все корейское партизанское движение на Дальнем Востоке было подчинено Дальневосточному секретариату Коминтерна во главе с уполномоченным ИККИ Б.З. Шумяцким.

Однако революционные планы Дальневосточного секретариата ИККИ вновь пошли в разрез с ближайшими задачами НКВД по улучшению отношений с великими державами. Наркоминдел РСФСР выступил резко против них. В записке от 8 июня 1921 г. на имя секретаря ЦК РКП(б) В.М. Молотова отмечалось, что «открыто и даже демонстративно подготавливать таковое (восстание – Е.Е.) с нашей стороны непредусмотрительно и не своевременно, ибо абсолютно вредными являются всякие действия, могущие быть истолкованными как агрессивные, как вызов Японии, как подготовка

к нападению на то, что японское правительство считает для себя жизненным. Нападение с нашей стороны на Японию в Корее и попытка вырвать последнюю из рук Японии будет тем вызовом, который поднимет весь Японский шовинизм, послужит поводом в глазах Антанты для оправдания нового японского наступления и послужит причиной нового торжества крайних милитаристов в Японии. Эту авантюру надо ликвидировать, и возможно скорее» [10, с. 83]. Однако В.И. Ленин и В.М. Молотов не отреагировали на записку НКИД.

Намеренья ИККИ по ведению революционной войны в дальневосточном регионе встретили поддержку не только со стороны китайских и корейских коммунистов, но и со стороны некоторых лидеров национально-освободительного движения Китая, стремящихся использовать советские войска в своих целях. План совместных военных действий на весну 1921 г. был предложен советскому правительству лидером Гоминьдана Сунь Ятсеном. Он предполагал наступление Красной Армии со стороны русского Туркестана на Синьцзян в направлении на главный город юго-западной китайской провинции Сычуань – Чэнду [3, с. 24]. Таким образом, наступление могло осуществляться с двух сторон: с северо-запада и с северо-востока. Но этот план не был осуществлен.

Ситуация на Дальнем востоке кардинально изменилась в конце 1922 г. В ноябре начала свою работу Вашингтонская конференция, которая завершила послевоенный передел мира на Дальнем Востоке. Был провозглашен принцип «открытых дверей» в отношении Китая, и соотношение сил на Дальнем Востоке изменено в пользу США. Англия была вынуждена расторгнуть договор с Японией, позволявший последней вести более активную политику в этом регионе. Расторжение данного договора заставило Японию быть более осторожной, и объективно способствовало поиску ею взаимоприемлемых соглашений с Советской Россией. Начались мирные переговоры между советским и японским правительствами. При посредничестве США, благодаря успешным действиям советских войск, поддержке коммунистического и социалистического движе-

ния в самой Японии в октябре 1922 г. японские войска покинули российский Дальний Восток, КВЖД оставалась за Россией.

С одной стороны, создавалась реальная основа для заключения мирного договора между СССР и Китаем, с другой, правительство Сунь Ятсена и компартия Китая не оставляли надежд на осуществление национальной революции с помощью военной поддержки российской армии.

Но советское руководство не хотело обострения отношений со странами-победительницами, а это было бы неизбежно в случае начала военных действий на территории Китая. Поэтому НКВД и Коминтерн перешли к более осторожной политике в дальневосточном регионе. Активизировались переговоры с Японским и китайским правительствами. В феврале 1922 г. началось постепенное расформирование Отдельной корейской стрелковой бригады в Иркутске [10, с. 82–89]. В соответствии с внешнеполитическими интересами России, руководство Коминтерна дало первоначально указание КПК на поддержку У Пейфу [3, с. 241]. А в августе 1922 г. ИККИ были подготовлены директивы китайским коммунистам, работающим на юге Китая, о необходимости всемерной поддержки революционной партии Гоминьдан. В письме Г.Н. Войтинского в ЦК КПК, датированном августом 1922 г., говорилось: «В вопросах, имеющих теперь в Китае первостепенное значение – 1) уничтожение дущюната и 2) *самоопределение провинций и объединение их на федеративных началах* – вы должны держаться следующей линии: не только быть, безусловно, за уничтожение дущюната, о чем неустанно писать во всех своих органах, но и также разоблачать правительство и те группы и партии национальной буржуазии и национальной интеллигенции, которые нерешительно и с оглядкой на некоторых милитаристов против него борются. Трудовые массы Китая, радикальная интеллигенция и прогрессивная буржуазия должны знать и чувствовать, что вы являетесь действительными поборниками демократизма в стране» [3, с. 241].

Изменилась политика советского руководства и в отношении Кореи. Она характеризовалась: а) отказом от поддержки Времен-

ного революционного правительства; б) окончательным расформированием корейских отрядов на территории Дальнего Востока; в) подчинением Корейской коммунистической партии Японской компартии, что, видимо, отражало признание Советским правительством де-факто Кореи за Японией. В самой Японии Коминтерну не удалось широко распространить свое влияние.

До 1922 г. Коминтерн не исключал возможности победы социалистической революции в странах Азии и рассматривал национально-освободительное движение в Китае, а вместе с ним и Гомиьндан, как временного союзника в революции. Теперь промежуточной целью на Востоке признавалась буржуазно-демократическая революция и предпринималась попытка путем вхождения КПК в ГМД, максимально революционизировать последнюю и превратить ее в организацию якобинского толка, способную осуществить радикальные демократические реформы и проводить внешнюю политику, ориентированную на СССР.

Эта точка зрения проводилась ответственным работником ИККИ в Китае Г. Марингом на II съезде КПК. В отличие от I съезда КПК (июль 1921 г.) II съезд (июль 1922 г.) принял резолюцию о временном союзе с националистами. Однако он проигнорировал предложение Г. Маринга о вступлении коммунистов в Гомиьндан.

Коминтерн все же продолжал настаивать на своем. III Съезд КПК (июнь 1923 г.) по указанию руководства ИККИ принял решение о вступлении в ГМД. Однако данное решение переориентации только на Гомиьндан далось китайским коммунистам не просто. В своем письме заведующему Восточным отделением ИККИ Г.И. Сафарову от 8 марта 1923 г., выступая против поворота в политике руководства ИККИ, Г. Войтинский писал: «По-видимому, лидеры Гомиьндана продолжают надеяться, главным образом, на военные успехи в союзе с известной милитаристской группировкой, и с помощью не менее известной милитаристской страны (намек на Японию – Е.Е.). Может ли наша партия безоговорочно поддерживать суньятсеновский союз? Я утверждаю, что нет» [13, с. 32–33].

Протест против подчинения коммунистического движения внешнеполитическим интересам СССР содержался и в письме заместителя заведующего Восточным отделом ИККИ С.И. Слепака от 23 августа 1923 г. «Нужно покончить с взглядом на партию, как на служанку НКИД, – писал он. – . . . Пусть партия останется партией, развивает свою работу во всю, пусть никакие маринги, проводящие точку зрения Йоффе, или других представителей НКИД, не втягивают партию в метаяющиеся калейдоскопические кивания то в сторону одного генерала, то другого. НКИД это и нужно, но не путайте партию в это дело» [3, с. 241].

Поддержка Коминтерном Гоминьдана, помимо осуществления задачи национальной революции, являлась средством давления на Англию, Японию и США.

Последней попыткой подтолкнуть советское руководство к революционной войне стал приезд в Москву осенью 1923 г. делегации от партии Гоминьдан с широкими полномочиями для обсуждения возможных совместных военных действий в Китае. На заседании Исполкома Коминтерна 26 ноября 1923 г., глава китайской делегации Чан Кайши, указав на заинтересованность СССР в победе революции в Германии, Польше и Китае с точки зрения безопасности восточных и западных границ Советского Союза от нападения империалистов, заявил: «Партия Гоминьдан предлагает, чтобы Россия, Германия (конечно после успеха революции в Германии) и Китай (после успеха китайской революции) образовали союз трех крупных государств для борьбы с капиталистическим влиянием в мире. С помощью научных знаний немецкого народа, успеха революции в Китае, революционного духа русских товарищей и сельскохозяйственных продуктов этой страны мы смогли бы легко добиться успеха мировой революции, мы смогли бы свергнуть капиталистическую систему во всем мире. Мы думаем, что товарищи из Коммунистического Интернационала должны помочь революции в Германии с тем, чтобы она добилась огромного успеха, как можно раньше. В то же время мы также надеемся, что Коммунистический Интернационал обратит особое внимание

на Дальний Восток, в особенности на китайскую революцию» [3, с. 299–300]. Но Советское правительство отказало Гомиьндану в немедленном формировании новой революционной армии в Монголии, и вместе с руководством Коминтерна предложило перейти к длительной подготовке национальной революции. При этом советская сторона обещала помощь Сунь Ятсену в подготовке военных кадров. Был принят проект обучения китайских революционеров военному делу. В Кантон был направлен советский политический советник, ответственный работник ИККИ М.М. Бородин.

Причины отказа от непосредственных боевых действий в Китае заключались в событиях в Германии летом – осенью 1923 г. и в возможности для России оказаться в состоянии войны на два фронта, а также в ослаблении позиций Сунь Ятсена в Китае (летом 1922 г. его правительство в Кантоне было временно свергнуто). В своем письме Г.В. Чичерину по этому поводу Л.Д. Троцкий писал, что для партии Гомиьндан «наступает длительный подготовительный период, военные планы, а, следовательно, и чисто военные требования, обращенные к нам, откладываются до прояснения положения в Европе и до завершения хоть некоторой политической подготовки в Китае» [3, с. 278].

Планы коммунистического и гоминдановского руководства заключить союз между Германией, Россией и Китаем свидетельствуют о знании их лидерами основ геополитики и попытке их реализации в жизнь. Но на тот момент объективные обстоятельства не позволили осуществить эти намеренья. Государственные интересы России по сохранению мира, в который раз, оказались выше интернациональных задач. Деятельность Коминтерна была постепенно подчинена внешнеполитическим приоритетам СССР. Опыт создания единого антиимпериалистического фронта имел положительные результаты. Китайская революция середины 1920-х гг., победившая благодаря этой тактике, способствовала дальнейшему экономическому развитию Китая. Был сделан значительный шаг вперед в вопросе объединения страны. Правда, вскоре произошел разрыв между Гомиьнданом и КПК, и началось вооруженное про-

тивостояние между ними. Но выработанная российским руководством политика единства всех прогрессивных политических сил применялась еще раз в 1937–1945 гг. в борьбе с японской агрессией. Она привела к окончательному освобождению Китая. Впоследствии между Советским Союзом и Китайской Народной республикой были установлены дружественные отношения, которые сегодня переживают новый подъем.

Список литературы

1. Алексеев Г.М. Культурологические аспекты экономической глобализации // Взаимодействие культур в условиях глобализации: сборник. М.: Канон+, 2010. С. 191–195.
2. Большевистское руководство. Переписка, 1912–1927 / Ин-т гос. упр. и соц. исслед. Моск. гос. ун-та им. М.В. Ломоносова и др.; Редкол.: А.В. Квашонкин и др. (с рос. стороны), A. Verelowitch и др. (с фр. стороны), E. Cinella и др. (с итал. стороны). М.: РОССПЭН, 1996. 423 с.
3. ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы: в 5 т. М.: АО «Буклет», 1994–2007. Т.1. 792 с.
4. Емельянова Е.Н. Национально-освободительное движение в Индии и политика Советской России в Азии // В мире научных открытий. 2015. № 11.7 (71). С. 2433–2443.
5. Емельянова Е.Н. Несостоявшаяся революция 1923 г. в Германии // Клио. 2015. № 10 (106). С. 66–70.
6. Емельянова Е.Н. РСФСР и Советская Венгрия: попытки военного сотрудничества // В мире научных открытий. 2015. № 7.4 (67). С. 1331–1354.
7. Емельянова Е.Н. Революционная война или мирное сосуществование? К истории Коминтерна (1919–1923 гг.): монография. Колонна, 2002. 237 с.
8. История Коммунистического Интернационала 1919–1943: Док. очерки / Институт всеобщей истории РАН. М.: Наука, 2002. 412 с.
9. Мамаева Н.Л. Коминтерн и Гомиьндан, 1919-1929: монография. М.: РОССПЭН, 1999. 375 с.

10. Пак Б.Д. Амурский инцидент // Восток. 1995. №5. С. 82–89.
11. Пак Б.Д. СССР, Коминтерн и корейское освободительное движение: 1918–1925: очерки, документы, материалы. М.: ИВ РАН, 2006. 415 с.
12. Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) и Коминтерн: 1919–1943 гг. Документы. М.: РОССПЭН, 2004. 906 с.
13. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 18. Д. 204.
14. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 154. Д. 27.
15. Рошин С. Они возглавляли революцию // Азия и Африка. 1995. № 9. С. 63–68.
16. Сергомасов М.Ю. Политические аспекты советско-польской войны 1920 г. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., МПГУ, 1997. С. 10–16.
17. Broué, Pierre. Histoire de l'Internationale communiste, 1919–1943. Paris: Fayard, 1997. 1120 p.
18. Carr E. The Bolshevik Revolution. 1917–1923. London: Macmillan, 1953. Vol.3. 352 p.
19. Roy M.N. Revolution and counter-revolution in China. Delhi: Ajanta publ., 1986. 576 p.

References

1. Alekseev G.M. Kul'turologicheskie aspekty jekonomicheskoy globalizacii [Cultural aspects of economic globalization] *Vzaimodejstvie kul'tur v uslovijah globalizacii: sbornik* [Interaction of cultures in a globalizing world: the collection]. М.: Kanon+, 2010, pp. 191–195.
2. *Bol'shevistskoe rukovodstvo. Perepiska, 1912–1927* [The Bolshevik leadership. Correspondence, 1912–1927]; Institute of state management and social researches of Moscow state university of M.V. Lomonosov: edit. board of A.V. Kvashonkin and other (Russian part), A. Berelowitch (French part), E. Cinella (Italian part). Moscow: ROSSPEN Publ, 1996. 423 p.
3. *VKP(b), Komintern i natsional'no-revoljutsionnoe dvizhenie v Kitanii. Dokumenty* [VKP(b), the Comintern and the national-revolution-

- ary movement in China. Documents]. Moscow: JSC «Booklet» Publ, 1994–2007. Vol.1. 792 p.
4. Emel'yanova E.N. Natsional'no-osvoboditel'noe dvizhenie v Indii i politika Sovetskoy Rossii v Azii [The national liberation movement in India and policy of Soviet Russia in Asia]. *V mire nauchnykh otkrytiy*, 2015, no 11.7 (71): 2433–2443.
 5. Emel'yanova E.N. Nesostojavshajasja revoljucija 1923 g. v Germanii [Cancelled revolution of 1923 in Germany]. *Klio*, 2015, no 10 (106): 66–70.
 6. Emel'janova E.N. RSFSR i Sovetskaja Vengrija: popytki voennogo sotrudnichestva [RSFSR and the Soviet Hungary: attempts to military cooperation]. *V mire nauchnyh otkrytij*, 2015, no 7.4 (67): 1331–1354.
 7. Emel'yanova E.N. *Revoljutsionnaya vojna ili mirnoe sosushchestvovanie? K istorii Kominterna (1919–1923 gg.)* [The revolutionary war or peaceful coexistence. The history of Comintern (1919–1923)]. Kolomna, 2002. 237 p.
 8. *Istoriya Kommunisticheskogo Internatsionala 1919–1943: Dok. Očerki* [History of the Communist International, 1919–1943: Doc. Essays]; Institute of World History, Russian Academy of Sciences. Moscow: Nauka Publ, 2002. 412 p.
 9. Mamaeva N.L. *Komintern i Gomin'dan, 1919–1929* [KMT and the Communist International, 1919–1929]. Moscow: ROSSPEN Publ, 1999. 375 p.
 10. Pak B.D. *Amurskii intsident* [Amur incident.] *Vostok*, 1995, no 5: 82–89.
 11. Pak B.D. *SSSR, Komintern i koreiskoe osvoboditel'noe dvizhenie: 1918–1925: očerki, dokumenty, materialy* [USSR, the Comintern and the Korean Liberation Movement: 1918–1925: essays, documents, materials]. Moscow: Institute of Oriental Studies, 2006. 415 p.
 12. *Politbyuro TsK RKP(b)–VKP(b) i Komintern: 1919–1943 gg. Dokumenty* [Politburo of Central Committee of RCP (b) – VKP (b) and the Comintern: 1919–1943. Documentation]. Moscow: ROSSPEN Publ, 2004. 906 p.
 13. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii (RGASPI)* [Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI)]. Fund 495. Description 18. File 204.

14. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii (RGASPI)* [Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI)]. Fund 495. Description 154. File 27.
15. Roshchin S. Oni vozglavlyali revolyutsiyu [They led the revolution]. *Aziya i Afrika*, 1995, no 9: 63–68.
16. Sergomasov M.Ju. *Politicheskie aspekty sovetsko-pol'skoj vojny 1920 g.* [Political aspects of the Soviet-Polish war of 1920]. Moscow: State Pedagogical University, 1997. 16 p.
17. Broué, Pierre. *Histoire de l'Internationale communiste, 1919–1943*. Paris: Fayard, 1997. 1120 p.
18. Carr E. *The Bolshevik Revolution. 1917–1923*. London: Macmillan, 1953. Vol.3. 352 p.
19. Roy M. N. *Revolution and counter-revolution in China*. Delhi: Ajanta publ., 1986. 576 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Емельянова Елена Николаевна, доцент кафедры философии, истории, политологии и права, кандидат исторических наук
Государственный социально-гуманитарный университет (Коломна)
ул. Зеленая, 30, г. Коломна, Московская обл., 140410, Российская Федерация
e.n.emelyanova@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Emelyanova Elena Nikolaevna, Associate Professor at Department of Philosophy, History, Political Science and Law, Candidate of Historical Sciences
State University of Social and Humanitarian Science
30, Zelenaya Str., Kolomna, 140410, Moscow region, Russian Federation
e.n.emelyanova@mail.ru
SPIN-code: 2887-4198
ORCID: 0000-0002-6394-1364
ResearcherID: C-2241-2015